

ЛИРИКА АНАТОЛИЯ ГУЛАКА: О СВОЕОБРАЗИИ ПОЭТИЧЕСКОГО РЕЧЕВОГО МЫШЛЕНИЯ АВТОРА

І.П. ЗАЙЦЕВА. ЛІРИКА АНАТОЛІЯ ГУЛАКА: ПРО СВОЄРІДНІСТЬ ПОЕТИЧНОГО МОВЛЕННЄВОГО МИСЛЕННЯ ПОЕТА.

Статтю присвячено вияву та аналізу низки лінгвостилістичних й лінгвоестетичних характеристик, що притаманні ліричним текстам поета Анатолія Гулака, котрі, як уявляється, найбільш явно втілюють у собі особливості поетичного мовленнєвого мислення їхнього творця. Цьому аналізу передує короткий розгляд феномена поетичного мовленнєвого мислення – творчої інтелектуальної діяльності художника слова, що активно осмислюється у даний час не тільки філологією, але й суміжними з філологічною наукою галузями (психопоетикою, психологією художньої творчості тощо) у різноманітних аспектах, – а також характеристикою одного з її типів: семно-семемного, що актуалізує здібність слова десемантизуватися та набувати у поетичному контексті додаткові семи, у тому числі й оказіонально-образної властивості. Цей тип поетичного мовленнєвого мислення – за нашими спостереженнями, такий, що найбільш часто втілюється у ліричній творчості А. Гулака, – проілюстровано матеріалом з творів поета (цикл «Веселка над лісом»), узагальнення особливостей якого дозволило встановити й деякі індивідуально-авторські риси творчої манери. Здійснений аналіз свідчить про пріоритетну значущість у ліриці А. Гулака тропів, що відрізняються особливим характером – синкретичних за своєю сутністю: у тропеїчних конструкціях ліричних творів поета поєднуються метафора і епітет, метафора і порівняння, порівняння і епітет. Саме функціонування такого роду тропів у значній мірі забезпечує, з нашої точки зору, своєрідність індивідуально-авторського почерку А. Гулака, одночасно додаючи словесній тканині його творів оригінальності й неповторності. Найбільш цікавими для розгляду вбачаються тропи з компонентом – художнім порівнянням, що зустрічаються у сучасній поезії достатньо рідко. Синкретичні тропи виконують у творах поета ще одну важливу функцію – композиційно-естетичну, у ході реалізації якої не тільки організується у цілісну семантико-естетичну структуру мовний матеріал, що залучений автором, але й суттєво поглиблюється й розширюється підтекстовий шар ліричної структури.

Ключові слова: поетичне мовленнєве мислення, лінгвостилістичні характеристики, лінгвоестетичні особливості, тропи, синкретичний троп, порівняння, метафора, епітет, композиційна функція.

І.П. ЗАЙЦЕВА. ЛІРИКА АНАТОЛІЯ ГУЛАКА: О СВОЕОБРАЗИИ ПОЭТИЧЕСКОГО РЕЧЕВОГО МЫШЛЕНИЯ АВТОРА.

Статья посвящена выявлению и анализу ряда лингвостиллистических и лингвоэстетических характеристик, присущих лирическим текстам поэта Анатолия Гулака, которые, как представляется, наиболее явно воплощают в себе особенности поэтического речевого мышления их создателя. Этот анализ предваряется кратким рассмотрением феномена поэтического речевого мышления – творческой интеллектуальной деятельности художника слова, активно осмысливаемой в настоящее время не только филологией, но и смежными с филологической наукой областями (психопоетикой, психологией художественного творчества и др.) в различных аспектах, – а также характеристикой одного из его типов: семно-семемного, актуализирующего способность слова десемантизироваться и приобретать в поэтическом контексте дополнительные семи, в том числе и окказионально-образного свойства. Этот тип поэтического речевого мышления, – по нашим наблюдениям, наиболее часто воплощаемый в лирическом творчестве А. Гулака, – проиллюстрирован материалом из стихотворений поэта (цикл «Радуга над лесом»), обобщение особенностей которого позволило установить и не-

которые индивидуально-стилистические черты авторской манеры. Проведённый анализ свидетельствует о приоритетной значимости в лирике А. Гулака тропов, отличающихся особым характером – синкретичных по своей сути: в тропеических конструкциях лирических произведений поэта совмещаются метафора и эпитет, метафора и сравнение, сравнение и эпитет. Именно функционирование такого рода тропов в значительной мере обеспечивает, с нашей точки зрения, своеобразие индивидуально-авторского почерка А. Гулака, одновременно придавая словесной ткани его произведений оригинальность и неповторимость. Наиболее интересными для рассмотрения представляются тропы с компонентом – художественным сравнением, встречающиеся в современной поэзии достаточно редко. Синкретичные тропы выполняют в произведениях поэта ещё одну важную функцию – композиционно-эстетическую, в ходе реализации которой не только организуется в целостную семантико-ассоциативную систему привлекаемый автором языковой материал, но и существенно углубляется и расширяется подтекстовый слой лирической структуры.

Ключевые слова: поэтическое речевое мышление, лингвостилистические характеристики, лингвоэстетические особенности, тропы, синкретичный троп, сравнение, метафора, эпитет, композиционная функция.

I.P. ZAITSEVA. THE LYRICS OF ANATOLY GULAK: ABOUT THE AUTHOR'S POTENTIAL SPEECH THINKING.

The article is devoted to the identification and analysis of a number of linguo-stylistic and linguo-aesthetic characteristics inherent in the lyric texts of the poet Anatoly Gulak, which, as it seems, most clearly embody the features of the poetic speech thinking of their creator. This analysis is preceded by a brief examination of the phenomenon of poetic speech thinking – the creative intellectual activity of the artist of the word, which is actively comprehended at the present time not only by philology, but also by fields adjacent to philological science (psychopoetics, psychology of artistic creativity, etc.) in various aspects, as well as by the characteristic one of its types: seminal-seminal, actualizing the ability of the word to desemantize and to acquire additional semes in a poetic context, including occasional-figurative properties. This type of poetic speech thinking, according to our observations, is most often embodied in the lyric work of A. Gulak, is illustrated by material from the poet's poems (the cycle "Rainbow over the forest"), the generalization of the features of which made it possible to establish some individual stylistic features of the author's manner. The analysis shows the priority importance in the lyrics of A. Gulak of tropes that are distinguished by a special character – syncretic in their essence: in the tropical constructions of the poet's lyric works, metaphor and epithet, metaphor and comparison, comparison and epithet are combined. It is the functioning of this kind of tropes that largely ensures, from our point of view, the uniqueness of the individual author's handwriting of A. Gulak, at the same time giving the verbal fabric of his works originality and uniqueness. The most interesting for consideration are tropes with a component – an artistic comparison, which are quite rare in modern poetry. Syncretic paths perform another important function in the poet's works – compositional and aesthetic, during the implementation of which not only the linguistic material attracted by the author is organized into an integral semantic-associative system, but also the subtext layer of the lyrical structure is significantly deepened and expanded.

Key words: poetic speech thinking, linguo-stylistic characteristics, linguo-aesthetic features, tropes, syncretic trope, comparison, metaphor, epithet, compositional function.

*Лингвист не может не писать стихов.
Он служит Слову. И ему подвластны
Созвучья слов, полифония голосов
И войско Терминов, Великих и Ужасных.
Лингвист уверен в том, что счастье – есть!
На Семантических Полях в Стране Чудес,
Он урожая ждёт развесистых теорий.*

Людмила Кольцова, «Лингвист не может не писать стихов...».

Для исследователей, представляющих самые разные научные области, в круг проблематики которых входит осмысление сути и собственно протекания процесса поэтического и целом словесно-художественного творчества, достаточно давно стало очевидным, что мировосприятие и мироощущение талантливых писателей (как, впрочем, и представителей всех иных видов искусства) отличается от своих аналогов, присущих более обычным носителям той или иной лингвокультуры и, соответственно, носителям языка, эту лингвокультуру репрезентирующего. По данному поводу не единожды высказывались и сами художники слова, описывания состояния творческого вдохновения, находясь в котором они создают свои произведения.

Так, художественно запечатлено состояние поэта, в котором рождаются его творения – словесно-художественные произведения, в нескольких лирических зарисовках гениального А.С. Пушкина (известные строки стихотворения «Осень», начинающиеся словами: *«И забываю мир и в сладкой тишине / Я сладко усыплен моим воображеньем...»*); высказывание Поэта в стихотворении «Разговор книгопродавца с поэтом»: *«... Какой-то демон обладал / Моими играми, досугом; / За мной повсюду он летал, / Мне звуки дивные шептал ...»*, а также эстетическое осмысление творческого процесса в ряде других произведений).

Исключительно художественному осмыслению таинства создания (точнее – сотворения) поэтического произведения посвящено известное лирическое стихотворение «Творчество» выдающейся поэтессы Анны Ахматовой (1936). Это произведение настолько цельно в изображении творческого акта, осуществляемого поэтом, что должно быть приведено только полностью (любые извлекаемые из этой лирической структуры фрагменты, с нашей точки зрения, нарушат эту цельность, исказив тем самым образно запечатлённые в лирическом тексте процессы мировосприятия и мироощущения поэта, сопровождающие рождение в его сознании произведения словесно-художественного искусства):

*Бывает так: какая-то истома;
В ушах не умолкает бой часов;
Вдали раскат стихающего грома.
Неузнанных и пленных голосов
Мне чудятся и жалобы и стоны,
Сужается какой-то тайный круг,
Но в этой бездне шёпотов и звонов
Встаёт один, всё победивший звук.
Так вокруг него непоправимо тихо,
Что слышно, как в лесу растёт трава,
Как по земле идёт с котомкой лихо...
Но вот уже послышались слова
И лёгких рифм сигнальные звоночки, –
Тогда я начинаю понимать,
И просто продиктованные строчки
Ложатся в белоснежную тетрадь.*

Тема, которой посвящено стихотворение А. Ахматовой, остаётся весьма актуальной и для современных художников слова, прежде всего – представителей лирического жанра. В частности, стихотворения двух современных поэтесс, в которых затронута эта же, необыкновенно значимая для каждого их творческих личностей, тема: Юнны Мориц («Портрет звука») и Валентины Поликаниной («Задумчивость. Картинность силуэта...») – приведены с соответствующим комментарием в одной из наших статей [5].

А.Т. Гулаку, рассмотрению особенностей поэтического творчества которого посвящена настоящая публикация, также принадлежит ряд высказываний по данному поводу – ср., например: *«И поэзия, и жизнь должны быть искренними, не фальшивыми. Только в этом случае поэтические создания могут найти отклик в сердцах и умах немногочисленных – увы! – в наше время их почитателей. Поэзия – это постоянное «копание» в собственной душе, собственном сердце.*

Кроме того, поэзия должна быть свободной: *...ветру и орлу, и сердцу девы нет закона. Таков и ты, поэт, и для тебя условий нет* – это сказано на все времена. Душа сама выберет предмет своего внимания, своей сосредоточенности: у неё своя особенная память. ...

Чем глубже копнёшь в себя, тем больше обнаружишь общего для всех людей, говорил Лев Толстой. Поэзия – это постоянное погружение в самого себя, постоянное «копание» в собственной душе, в собственном сердце» [3, с. 3].

Сопровождающая процесс творчества интеллектуальная деятельность художника слова, среди прочего, находит воплощение в таком явлении, как **поэтическое речевое мышление**, результаты которого вербально запечатлеваются в создаваемых поэтами и писателями произведениях: «**Поэтическое речевое мышление** – зафиксированная в тексте творческая интеллектуальная деятельность поэта, связанная с его способностью создавать образы, обладающие эстетикой, индивидуальной семантикой и вызывающие представление благодаря использованию богатых возможностей семантической структуры слова» [1, с. 296 – 297]. Этот процесс, по мнению большинства исследователей, всегда сопровождается особым психологическим, а нередко и психо-физиологическим состоянием творческой личности – ср., например: «Поэтическое речевое мышление связано с **обострённо эмоциональным восприятием художником слова окружающего мира**: поэт, обладая особой «зоркостью» и свежестью взгляда, способен увидеть то, что не укладывается в рамки ранее увиденного. **В сфере подсознания поэта интуитивно осуществляется отбор и обработка нерасчленённого потока информации**, в результате чего под влиянием авторского замысла из этого потока вычлениются более компактные идеальные образования, «зачины мысли» (И. Я. Чернухина), которые поэт намерен передать в процессе коммуникации» (выделено мною. – И. З.) [1, с. 297].

В настоящее время исследователи разграничивают несколько типов поэтического речевого мышления, которые выбираются поэтами интуитивно – в соответствии с собственными ощущениями, «подсказывающими», какой именно из видов интеллектуальной деятельности такого рода наиболее соответствует сформировавшемуся в сознании автора замыслу, т. е. максимально адекватно и полно способен развить и воплотить в линейной речи сформировавшийся в его подсознании «зачин мысли». Одним из весьма распространённых в современной поэзии типов поэтического речевого мышления является **семно-семемный**, проявляющийся «в ослаблении корреляции «семема – лексема – представление», в результате чего слово приобретает способность десемантизироваться, в также получать дополнительные семы. В этом случае целостный художественный образ возникает не из совмещения простых представлений, ... а из интеграции представлений, в результате чего создаётся не только образ с его семантикой, представлением и эстетикой, но и образный фон, который обладает лишь представлением (слуховым, зрительным, вкусовым и др.)» [1, с. 299–300].

При воплощении в лирическом произведении поэтического речевого мышления семно-семемного типа особую значимость закономерно приобретают различные тропы, прежде всего – **метафоры** (в особенности – выраженного индивидуально-авторского свойства), отражающие сложный процесс развёртывания в лирической структуре поэтического содержания. Этот процесс осуществляется в ходе взаимодействия узуальной семантики привлекаемых автором лексических единиц с формирующейся у них же – в условиях лирической структуры – семантикой окказиональной, что приводит к созданию метафорических образов, нередко характеризующихся своего рода разветвлённостью» (развёрнутые метафоры¹) и / или очевидно синкретичным характером (тропы, объединяющие в себе метафору и эпитет, эпитет и сравнение и т. п.)². Так, в стихотворении, открывающем поэтический сборник А.Т. Гулака «На склонах памяти моей», которое вынесено автором в отдельную позицию, в связи с чем может, как представляется,

¹ «Если метафорическое выражение как образное подобие какого-то сложного жизненного явления раскрывается на протяжении большого отрезка или целого стихотворения, то такая метафора называется **развёрнутой метафорой**» [9, с. 156].

² Ср.: «Тропы могут объединяться в одной языковой единице; в результате такого совмещения возникают: метафорический эпитет и метафорическое олицетворение, гиперболическое сравнение и гиперболический эпитет и т. п. «Появляется возможность говорить об обратимости тропов <...>, благодаря которой всё пространство структуры тропа оказывается связанным» (Топоров 1998, 521). Как писал А. Белый, «формы изобразительности неотделимы друг от друга; они переходят одна в другую <...>; один и тот же процесс живописания, претерпевая различные фазы, предстаёт нам то как эпитет, то как сравнение, то как синекдоха, то как метонимия, то как метафора в тесном смысле» (Белый 1910)» [4, с. 719].

рассматриваться в качестве своего рода «программного» произведения, находим тропы почти всех перечисленных видов:

*Там вдали, за синими лесами,
Где восток томится от огня,
Бродит счастье с грустными глазами,
Кличет – не докличется меня.*

*Сердце вещей полнится тревогой:
Где-то, видно, сбился я с пути,
Второпях пошёл не той дорогой –
И теперь туда мне не дойти.*

*На холме, высоком и кремнистом,
Я последний лагерь разобью
И в тиши, под деревом тенистым,
Чашу не спеша свою допью.*

*Оглянусь на пройденные дали,
На плутавший, точно пьяный, след,
Всколыхну минувшие печали –
Горький и хмельной осадок лет;*

*И глаза горячие закрою,
Упаду на руки головой,
Чистой, всепрощающей слезою
Подведу итог последний свой...*

*Жаль мне лишь: за синими лесами,
В золотом сиянии огня,
Счастье с потускневшими глазами
Так и не докличется меня [3, с. 4].*

Лирический текст семантически и композиционно организован развёрнутой метафорой, которая в первой строфе вербализована выражением *бродит счастье с грустными глазами, / кличет – не докличется меня*, а в последней – выражением *счастье с потускневшими глазами / так и не докличется меня*. При более детальном подходе к распространителям этого тропа (развёрнутой метафоры) можно отнести и другие контекстуальные элементы, семантически и синтаксически связанные с его элементами: в первой строфе это предшествующий собственно метафоре фрагмент с обстоятельственным значением (*Там вдали, за синими лесами, / где восток томится от огня*), в котором функционируют два самостоятельных тропа (постоянный эпитет **синими** (*лесами*) и глагольная метафора *восток томится от огня*); в заключительной строфе – два сопряжённых эпитета (*за синими лесами, / в золотом сиянии огня*), один из которых – постоянный (повтор употреблённого в начальной строфе), второй – очевидно индивидуально-авторский.

Помимо этого в стихотворении функционирует система тропов (эпитетов, метафор и сравнений), при помощи которых характеризуется душевное состояние лирического героя. Среди этих тропов присутствуют и синкретичные тропеические образования – как, например, метафоры, осложнённые эпитетом: *сердце вещей полнится тревогой; на холме, высоком и кремнистом, я ... чашу не спеша свою допью*. Особой экспрессивностью обладает функционирующий в третьей строфе оригинальный авторский троп: *На холме, высоком и кремнистом, / Я последний лагерь разобью / И в тиши, под деревом тенистым, / Чашу не спеша свою допью*, – в котором совмещены две метафоры (*всколыхну печали; осадок лет*) и три явных эпитета, в один из которых «вмонтировано» сравнение: *горький и хмельной осадок лет; плутавший, точно пьяный, след*.

Безусловно, как разнообразный характер функционирующих в стихотворении тропов, так и сформированный преимущественно на их основе сложный и многогранный семантико-

ассоциативный архитектурный рисунок текста, с одной стороны, способствуют приданию лирической структуре неповторимости, которая отличает словесно-художественное произведение каждого талантливого автора, с другой – вербально воплощают особенности мировосприятия и мироощущения их создателя, т. е. особенности его поэтического речевого мышления.

При знакомстве с лирическими произведениями А. Гулака нельзя не обратить внимание на частотность в его лирике такого тропа, как **сравнение**, который в виде, полностью соответствующем требованиям к его семантико-морфологическому оформлению (наличие «предмета», «предиката» и «аргумента»³), встречается в современной поэзии достаточно редко, во всяком случае – значительно реже, чем метафора. Рассмотрим одно из стихотворений, где использование художественных сравнений различного характера является, с нашей точки зрения, ключевым приёмом создания образного «каркаса» лирической структуры:

*Опять над лесом радуга стоит
И золотом и пурпуром сияет.
И вновь душа в надежде замирает,
Как будто жить ей вечно предстоит.*

*Как будто то, что пройдено с трудом. –
Преддверье только жизни полноценной,
Которая в уже обжитый дом
Вот-вот войдёт хозяйкой вдохновенной.*

*Всё переставит, переворошит,
Раздвинет стены и поднимет своды,
И в животворный океан природы
Дверь распахнёт и окна растворит.*

*И всё, что тяготило душу, враз
С неё спадёт, как грубые оковы,
И мир – и благомыслящий, и новый –
Предстанет перед нею напоказ.*

*Но тают в небе чудные цвета,
И вместе с ними нотою щемящей
Уходит сокровенная мечта
О так желанной жизни настоящей [3, с. 18].*

Все используемые автором сравнения участвуют в формировании сложной и многоплановой семантико-ассоциативной структуры лирического пространства (причём как в его фактуально-содержательном (термин И.Р. Гальперина), так и в его подтекстовом слоях) – именно этим, как представляется, и обусловлена в первую очередь включённость всех этих тропов в синкретичные образно-тропеические образования: **метафоры-сравнения** и **метафоры-сравнения, осложнённые эпитетами**. В первую группу входят такие тропеические образования синкретичного характера: *вновь душа в надежде замирает, / как будто жить ей вечно предстоит; которая [жизнь полноценная] в уже обжитый дом / вот-вот войдёт хозяйкой вдохновенной; всё, что тяготило душу, враз / с неё спадёт, как грубые оковы*; вторая пред-

³ «Сравнение (лат. *comparatio*) – троп, словесно выраженное сопоставление двух явлений на основе относительного сходства между ними. Обязательными морфологическими составляющими сравнения являются:

- 1) «предмет», т. е. объект образной рефлексии автора
- 2) «предикат» (объект, с которым соотносится «предмет») и
- 3) «аргумент», мотивирующий «сходство несходного» между ними.

Причём в отличие от других тропеических фигур, прежде всего метафорического круга, в сравнении «предмет» и «предикат», во-первых, получают речевое выражение («аргумент» их сближения – всегда ассоциативный, подразумеваемый), а во-вторых, полностью обособлены один от другого, что, например, подчёркивается наличием союзов и союзных слов «как», «точно», «словно», «будто и др. принцип сравнения является одним из основных принципов художественного мышления вообще, в частности тропеического, что, понятно, не гарантирует обязательной возможности преобразования какой-либо тропеической фигуры в сравнение» [7, с. 247–248].

ставлена лишь одним тропеическим выражением в заключительном фрагменте лирического текста: *нотою щемящей / уходит сокровенная мечта / о так желанной жизни настоящей.*

Оригинальная развёрнутая метафора заключена в центральной – третьей – строфе лирического текста: [полноценная жизнь] *всё переставит, переворошит, / раздвинет стены и поднимет своды, / и в животворный океан природы / дверь распахнёт и окна.* Именно этот троп способствует актуализации заключённого в данной композиционной части стихотворения смысла, превращая её в ключевой семантико-ассоциативный «узел» всей лирической структуры.

Соображения, высказанные нами по поводу своеобразия поэтического речевого мышления А.Т. Гулака, находят подтверждение и во многих других его лирических произведениях. Приведём в связи с этим ещё одно стихотворение поэта:

*Люблю я одиночества часы
И всякий раз душою замираю,
Когда, как пушкинский Барон, я открываю
В подвале тайном сундуки красы
И золотые слитки слов перебираю.*

*В них жизнь моя – от ясных дней весны
До нынешних густых, как дым, туманов,
Согретых светом обольстительных обманов,
Что всё ещё тревожат мои сны
И манят и влекут куда-то неустанно.*

*Пора, пора уgomониться мне,
Волшебное стекло от глаз отставить
И мир вокруг, каким он вправду есть, представить,
А не таким, как видится во сне,
И пламя дерзостных порывов поубавить.*

*Но всё тогда изменится кругом,
Словно злой дух дотронется руками –
И золотые слитки станут черепками,
И в хлев унылый превратится дом,
И солнце спрячется, как тать, за облаками.*

*И мир замрёт в холодных глыбах льда,
Как северные воды океана,
И потеряют всю загадочность туманы...
Останьтесь же со мною навсегда,
Мятежной жизни животворные обманы [3, с. 12].*

В приведённом лирическом тексте, так же как и в предыдущем, функционируют тропеические образования синкретичного свойства, объединяющие в себе – в различных сочетаниях – тропы трёх видов: *метафору, сравнение, эпитет.* Так, в начальной строфе находим синкретичный троп, совмещающий в себе как минимум две метафоры (*сундуки красы* и *золотые слитки слов*) и сравнение (последний троппредставлен в одном из наиболее традиционных своих вариантов – *я, как пушкинский Барон, открываю...*): *как пушкинский Барон, я открываю / В подвале тайном сундуки красы / И золотые слитки слов перебираю.* Выраженной экспрессией обладают два синкретичных тропеических образования, функционирующих в заключительной строфе произведения, по определению являющейся «сильной» для любого художественного (лирического же – тем более) текста позицией: *И мир замрёт в холодных глыбах льда, / Как северные воды океана, / И потеряют всю загадочность туманы... / Останьтесь же со мною навсегда, / Мятежной жизни животворные обманы.* Первая из этих конструкций, синтаксически оформленная как бессоюзное сложное предложение, начальная часть которого осложнена сравнительным оборотом (он же – вербальное средство оформления сравнения), представляет собой синкретичный троп, в котором объединены две довольно пространные метафоры (*мир замрёт в холодных глыбах льда* и *потеряют всю загадочность туманы*) и сравнение; вторая

конструкция является простым предложением, осложнённым распространённым обращением, которое включает в себя метафору, распространённую двумя эпитетами: *мятежной жизни животворные обманы*.

Рассмотренные нами лирические произведения позволяют утверждать, что тропеические образования синкретичного свойства, объединяющие в себе наиболее распространённые в поэзии в принципе виды тропов – метафору, сравнение, эпитет, – отличаются в лирическом творчестве А. Гулака особой значимостью как для содержательно-фактуального, так и для подтекстового слоёв лирической структуры, а также для композиционного оформления произведения. Эта особая значимость предопределяется в первую очередь концентрированием в синкретичных тропеических образованиях конкретно-образного содержания, что способствует в том числе и существенному повышению ассоциативности поэтического текста. В результате разного рода семантико-ассоциативных трансформаций вербально-образный слой лирической структуры (по преимуществу – эксплицитный) приобретает большую объёмность; одновременно с этим значительно активнее формируется имплицитный подтекстовый слой.

Во-вторых, синкретичные тропы в гораздо большей степени, нежели тропы автономные, способствуют связности всех компонентов лирической структуры, поскольку, будучи довольно сложно организованными тропеическими образованиями, они имеют большие возможности для реализации в лирическом пространстве таких важных для любого текста (а текста художественного – особенно) категорий, как **когезия** и **когерентность**. Когезия – «термин лингвистики текста, обозначающий важнейшее свойство текста – связность его смежных фрагментов или локальную связность», – иногда соотносимый (в том числе и в аспекте противопоставления) с когерентностью, под которой понимается «сохранение структурного единства текста как целого, в частности, за счёт единого принципа его организации на всём его протяжении (контраст, градация, **развёрнутая метафора и под.**, которые выступают при этом как средства, обеспечивающие когерентность» (выделено мною. – И. З.) [6, с. 249]. Исследователи сходятся во мнении об особой значимости категории когезии в художественной речи – ср., в частности: «Богаты и разнообразны средства когезии в литературно-художественных текстах. **В них настолько тесно переплетены логические, психологические и формально-структурные виды когезии**, что порой трудно дать их таксономическую характеристику» (выделено мною. – И. З.) [2, с. 74–75]. Опираясь на приведённые положения, вполне логично, с нашей точки зрения, включить в число основных средств, обеспечивающих категории связности в рассмотренных лирических текстах А. Гулака, синкретичные тропеические образования, функционирующие в лирике этого автора.

Проанализированный материал свидетельствует также об особом внимании поэта А. Гулака к такому тропу, как **художественное сравнение**: это образное средство не только весьма часто включается им в лирические произведения, но и отличается заметным разнообразием как лексического наполнения и сформированной в сравнениях образной семантики (что закономерно для речи художественной), так и грамматического оформления: сравнительные обороты, присоединяемые союзами «как», «будто», «словно»; придаточные предложения сравнения с разнообразными союзами и союзными словами; формы творительного падежа имён существительных – как правило, распространённые и т. д. Однако представляется, что наиболее убедительным подтверждением этого особого внимания является постоянная включённость сравнения в состав синкретичных тропеических образований, которые, с нашей точки зрения, являются одной из характерных особенностей индивидуально-стилистической манеры поэта-лирика Анатолия Гулака.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баженова Е.А. Поэтическое речевое мышление // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 296–301.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 4-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2006. 144 с.
3. Гулак А.Т. На склонах памяти моей: Стихотворения. Харьков: Майдан, 2012. 152 с.
4. Емельянова О.Н. Троп // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 718–720.

5. Зайцева И.П. Актуализация потенциальных качеств слова в процессе поэтического речевого мышления // Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды. 2018. № 1 (63). Харьков, 2018. С. 12–19.

6. Иванов Л.Ю. Когезия // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 249.

7. Иванюк Б.П. Поэтическая речь: словарь терминов. М.: Флинта; Наука, 2007. 312 с.

8. Кравченко Э.Я. Речь художественная // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н.Д. Тмарченко]. М.: Издательство Кулагиной, Intrada, 2008. С. 208–210.

9. Квятковский А.П. Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966. 376 с.

REFERENCES

1. Bazhenova E.A. Po`eticheskoe rechevoe myshlenie // Stilisticheskij `entsiklopedicheskij slovar' russkogo jazyka. M.: Flinta; Nauka, 2003. S. 296–301.

2. Gal'perin I. R. Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovanija. Izd. 4-e, stereotipnoe. M. : KomKniga, 2006. 144 s

3. Gulak A.T. Na sklonah pamjati moej: Stihotvorenija. Har'kov: Majdan, 2012. 152 s.

4. Emel'janova O.N. Троп // Kul'tura russkoj rechi. `Entsiklopedicheskij slovar'-spravochnik / Pod red. L.Ju. Ivanova, A.P. Skovorodnikova, E.N. Shirjaeva. M.: Flinta; Nauka, 2003. S. 718–720.

5. Zajtseva I.P. Aktualizatsija potentsial'nyh kachestv slova v protsesse po`eticheskogo rechevogo myshlenija // Russkaja filologija. Vestnik Har'kovskogo natsional'nogo pedagogicheskogo universiteta imeni G.S. Skovorody. 2018. № 1 (63). Har'kov, 2018. S. 12–19.

6. Ivanov L.Ju. Kogezija // Kul'tura russkoj rechi. `Entsiklopedicheskij slovar'-spravochnik / Pod red. L.Ju. Ivanova, A.P. Skovorodnikova, E.N. Shirjaeva. M.: Flinta; Nauka, 2003. S. 249.

7. Ivanjuk B.P. Po`eticheskaja rech': slovar' terminov. M.: Flinta; Nauka, 2007. 312 s.

8. Kravchenko `E.Ja. Rech' hudozhestvennaja // Po`etika: slovar' aktual'nyh terminov i ponjatij / [gl. науч. ред. N.D. Tamarchenko]. M.: Izdatel'stvo Kulaginoj, Intrada, 2008. S. 208–210.

9. Kvjatkovskij A.P. Po`eticheskij slovar'. M.: Sovetskaja `entsiklopedija, 1966. 376 s.

Зайцева Ирина Павловна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых языков Витебского государственного университета имени П.М. Машерова. ORCID ID: 0000-0002-4659-0929. E-mail: Irinazaj91 irinazaj91@mail.ru

(Статья поступила в редакцию 28 апреля 2021 г.)